

Лох (джида) *Elaeagnus orientalis* L. является результатом многовековой селекции. Найдено несколько длинных продолговатых косточек. В эпоху караванных сообщений между оазисами лох был ценным путевым продовольствием. Его плоды содержат сахар, они сухие, сладкие и питательные, их легко перевозить. Традиция обсаживать лохом селения в пустынях сохранилась с древности до наших дней.

Заключение

В полевой культуре средневекового Южного Казахстана и Семиречья преобладали засухоустойчивые просо, ячмень, чечевица, наиболее ответственные периоды вегетации которых совпадали с максимумом осадков или весенней влажностью почв, что позволяло развивать богарное (неорошаемое) земледелие. Все растения имеют короткий вегетационный период, но выращивание второго урожая исключается засухой с середины лета. Существовали и орошаемые земли, о чем свидетельствует наличие зерновок мягкой пшеницы, многорядного ячменя и семян гороха. В Акыргасе обнаружено одно семя льна, Г.Н. Лисицына вслед за датским археоботаником Г. Хельбеком считает, что триада пшеница – ячмень – лен закономерна для ирригационного земледелия [Лисицына, Прищипенко, 1977, с. 34]. Впрочем, орошалось около 9 – 10% посевных площадей.

Для средневекового Семиречья и Южного Казахстана характерен не очень богатый состав культурной флоры, что контрастирует с данными по энеолиту и бронзе сопредельных районов Средней Азии и с материалами средневековых памятников удаленных областей – Закавказья, Буго-Днестровского региона, Руси. Этому могут быть следующие объяснения:

1. Регион лежит вне очагов первичной доместики растений, для которых характерно наибольшее видовое внутри рода и сортовое внутри вида разнообразие флоры. Влияние этого фактора на состав растительности прослеживается и в наши дни, что легло в основу гипотезы Н.И. Вавилова о выделении очагов первичной доместики растений. В регион попадали уже окультуренные виды. К тому же сопредельный среднеазиатский очаг (Северо-Западная Индия, Афганистан, Таджикистан, Западный Тянь-Шань) значительно уступает другим по разнообразию исходного материала для окультуривания (диких видов) и по числу одомашненных растений [Там же, с. 20].

2. За несколько тысячелетий произошел искусственный отбор и предпочтение стали отдавать тем культурам, которые дают наибольший урожай при наименьших трудовых затратах на возделывание в данной природно-экологической обстановке.

Список литературы

- Акишев К.Л., Байпаков К.М., Ермакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. – Алма-Ата: Гылым, 1981. – 451 с.
- Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы: Гылым, 1998. – 216 с.
- Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. – Алма-Ата, 1941. – 205 с.
- Гунова В.С., Кирьянова Н.Д., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова В.А. Земледелие и системы земледелия в долине Москвы-реки // СА. – 1996. – № 4.
- Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. – Л.: Колос, 1964. – 792 с.
- История Казахской ССР. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. – 610 с.
- Кирьянов А.В. История земледелия Новгородской земли X – XV вв. // МИА. – 1959. – Вып. 65. – С. 306 – 363.
- Левшин А.М. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. – СПб., 1832. – Ч. 2. – 190 с.
- Лисицына Г.Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. – М.: Наука, 1978. – 299 с.
- Лисицына Г.Н., Прищипенко Л.В. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. – М.: Наука, 1977. – 283 с.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М.; Л., 1939. – Т. 1. – 348 с.
- Природные условия и естественные ресурсы СССР: Казахстан. – М., 1963. – 462 с.
- Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. – Алматы: Гылым, 1993. – 248 с.
- Растениеводство. – М.: Просвещение, 1967. – 559 с.
- Савельева Т.В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII – XIII вв. – Алматы: Гылым, 1994. – 216 с.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, касающихся истории Золотой Орды. – СПб.: Б.и., 1884. – 254 с.
- Янушевич З.В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. – Кишинев: Штиинца, 1976. – 210 с.
- Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья: Палеоботанические исследования. – Кишинев: Штиинца, 1986. – 90 с.
- Zohary D., Hopf M. Domestication of Plants in the Old World. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – 279 p.

Материал поступил в редколлегию 29.01.2001 г.

УДК 904:726.1

М. Олдендерфер

*Отдел антропологии, Университет Калифорнии, США
Department of Anthropology, University of California,
Santa Barbara, CA 93106, USA
E-mail: aldender@sscf.ucsb.edu*

ПИЯН (ПИЯНГ): ТИБЕТСКИЙ БУДДИЙСКИЙ ХРАМ И МОНАСТЫРСКИЙ КОМПЛЕКС X – XI веков В ЗАПАДНОМ ТИБЕТЕ

Введение

В конце X – начале XI в. н.э. Западный Тибет переживал *phyi.dar* – процесс восстановления буддизма (далее – “Восстановление”). Он осуществлялся светскими правителями и знатью Гугэ и Пуранга – двух наиболее важных светских государственных образований в регионе того времени, вместе с буддийскими монахами, священниками и мирянами. Одной из наиболее важных фигур “Восстановления” был Ешей-Од (Йешес-од), который в 985 г. отрекся от трона Пуранга в пользу своего брата и стал буддийским монахом. Используя свое высокое положение, он с помощью брата и представителей знати попытался восстановить в княжестве более чистую форму буддизма. Реформы Ешей-Ода предполагали, в частности, принятие законов, которые определяли принципы культовой практики буддизма и способы участия в ней знати и простого люда, а также создавали основу для образования монашеских общин. Реформы, в основе которых лежали религиозные мотивы, были направлены на достижение политических целей в Гугэ – Пуранге.

Материальным выражением “Восстановления” были храмы, часовни, монастыри и другие культовые сооружения, появившиеся по всему региону. 996-й письменные источники выделяют как год основания главного храма Тхолинг, который стал важнейшим центром буддийского учения в Западном Тибете в последующие 500 лет [Vitali, 1999]. Полагают, что тогда же были заложены и многие другие культовые сооружения в регионе. Таким образом, определение и подтверждение дат основания, а также изучение роста и

территориального распространения этих памятников является важной частью археологического и исторического исследований в Западном Тибете и в области за отрогами Гималаев.

Данная статья посвящена раскопкам, предпринятым в Пияне (рис. 1) в 1997 и 1999 гг. группой археологов Сычуаньского объединенного университета (Чэнду, КНР) и Калифорнийского университета (Санта-Барбара). В XIX – XX вв. Пиян могли посещать такие европейские исследователи, как братья Шлагинтвайт и Джузеппе Туччи [Vitali, 1996, p. 275], но систематические работы на памятнике начались в 1992 г. и были продолжены в 1994 г. [Хо Вэй, Ли Юнсянь, 1997]. Тогда было проведено обследование памятника, описаны остатки сооружения и образцов искусства, найденных в многочисленных пещерах и гротах. В 1997 и 1999 гг. велись раскопки памятника, составлялись карты и были сделаны многочисленные фотографии сооружений и сохранившихся в них образцов искусства.

Проект по изучению Пияна имеет широкий спектр исследовательских задач. Предполагается провести детальный анализ иконографии стенных росписей и определить их значение в контексте преобразований, а также реконструировать экономический контекст храмовой и монастырской деятельности в Пияне. В данной статье рассматриваются два узких, но важных вопроса: 1) можно ли соотнести какие-либо остатки строений в Пияне с ранними стадиями “Восстановления” и, если да, то каковы даты их сооружения и перестройки; 2) какие существуют свидетельства для датировки основания Пиянского монастыря как общины монахов?

Исторический контекст

Среди многочисленных исторических документов, касающихся строительной кампании 996 г. на ранних стадиях “Восстановления”, выделяются три: “Биография Ринчен Зангпо” [Shellgrove, Skorupski, 1980], “История Гугэ и Пуранга” под названием “mNga’ris rgyal.rabs” [Vitali, 1996] и “История правителей Западного Тибета” – “Nyang.ral chos.’byung”. Эти истории были написаны после 1000 г. и различаются по количеству исторических деталей. Поскольку их авторы пользовались разными первичным и вторичным источниками, сравнивать эти сочинения между собой трудно. Каждое из них содержит важную информацию о храмах и других культовых сооружениях, которые авторы связывают со строительной кампанией 996 г.

Наиболее спорной является “Биография Ринчен Зангпо”, который известен как великий переводчик санскритских текстов индийского буддизма на тибетский язык, а также как инициатор строительной кампании Ешей-Ода. Как сказано в “Биографии...”, Ринчен Зангпо поклялся соорудить 108 часовен [Petech, 1997, р. 234], в соответствии со священным числом буддийской веры. Ринчен Зангпо был ответственным за сооружение трех основных центров буддизма в регионе – главных храмов в Тхолинге и Хачаре и монастыря в Ньярме. В биографии названо 21 основанное им “менее значительное сооружение”, и Пиан не фигурирует среди них [Petech, 1997, р. 235; Tucci, 1988, р. 71 – 72]. Очень важно, что эти культовые сооружения традиционно относят к кампании 996 г., следовательно, можно предположить, что Пиан не входил в эту группу.

В “mNga’ris rgyal.rab” Пиан (называемый в тексте источника Пиван и Пийван) указан в числе восьми основных храмов (наряду с Тхолингом, Хачаром, Ньярмой, Табо, Канамом и Монагом), построенных Ешей-Одом и Ринчен Зангпо [Vitali, 1996, р. 269], однако в “Nyang.ral chos.’byung” приведен немного другой список ранних храмов (Хачар, Табо, Ньярма, Шалинг и Тхолинг), в который не включен Пиан [Ibid, р. 269 – 270].

Таким образом, сведения письменных источников противоречивы, и, опираясь только на них, трудно определить, был ли Пиан сооружен в 996 г.

Вторая сформулированная нами проблема касается даты основания Пианского монастыря. Согласно “mNga’ris rgyal.rab”, община монахов (chos-sde) была основана в Пиане правителем Гугэ Дебарадза в год его смерти, что могло произойти между 996 и 1023 г. [Ibid, р. 272]. Из этого следует ряд важных выводов: если в Пиане в 996 г. действительно велось строительство и если письменные источники точны, то там был храм (lag.khang). Создание общины монахов предполагает расширение lag.khang за счет пристройки du.khang, или зала собраний, который использовался монахами для богослужений и повседневной деятельности общины.

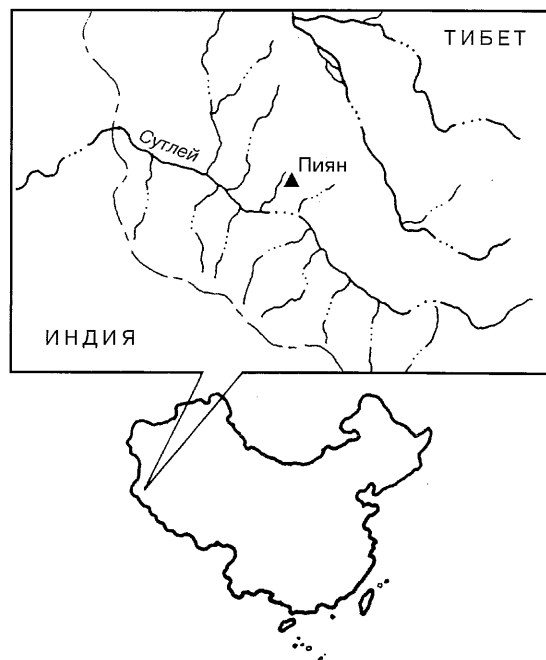

Рис. 1. Карта-схема расположения Пиана.

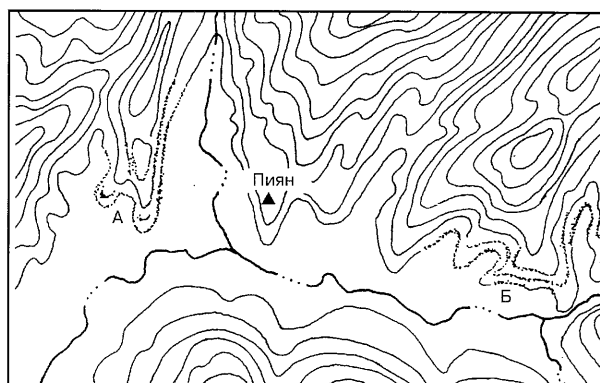

Рис. 2. Карта-схема окрестностей Пиана.

А – мирской, храмовый и монастырский комплексы позднего периода Пиана; Б – памятник Дунга.

Du.khang – особенность храмов, при которых есть монастыри, хотя, конечно, храмы могли быть и без du.khang. К тому же, слово, которое используется в “mNga’ris rgyal.rab”, может переводиться как “усадьба” или “жилище для монахов”. Неясно, где находились эти жилища, но, судя по Тхолингу и другим монастырям [Vitali, 1999, р. 102 – 103], они могли размещаться на территории храма. Есть версия, что монахи обитали в искусственных пещерах, вырытых в мягкой породе холмов, окружающих предполагаемые остатки храма. В Пиане известно более 1 тыс. пещер, которые служили убежищами, жилищами, складами, усыпальницами и часовнями [Хо Вэй, Ли Юнсянь, 1997, р. 22]. Если верить письменным источникам, то зал собраний и жилища монахов были сооружены после 996 г. или в начале XI в.

Рис. 3. Плато. Вид на северо-запад от Пиана.
Слева – “Старый храм”, справа – главный чортен.

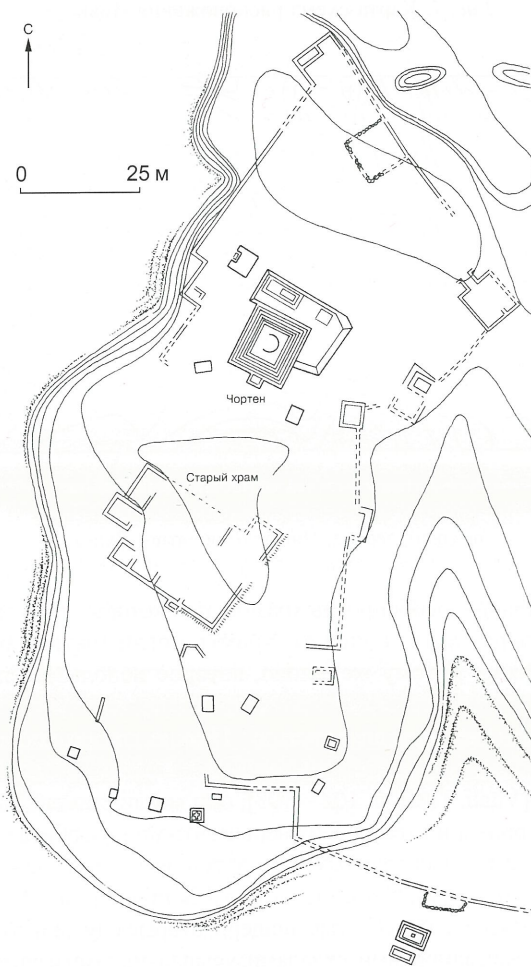

Рис. 4. План западной части плато Пиан с указанием сохранившихся главных архитектурных особенностей памятника.

Описание памятника

Пиан расположен на высоте 4,1 тыс. м над ур.м. в месте с координатами 31°41' с.ш. и 79°48' в.д. на небольшом плато у слияния двух ручьев, впадающих в р. Суллей (рис. 2, 3). Плато довольно плоское, занимает площадь приблизительно 1,3 га, возвышается на 40 м над основанием долины и охватывает ее с южной, восточной и западной сторон. На севере плато ограничено ущельем шириной 10 м и глубиной 15 м. Само плато разделено на восточную и западную части некрутым оврагом, ориентированным с севера на юг.

Современная д. Пиан, как и основная часть пещер, а также более поздних сооружений (монастырских, появившихся по мере роста общины, и мирских) находится к западу от долины [Ibid]. Важный по значению памятник Дунга расположен в 2 км восточнее плато вверх по течению реки.

В настоящее время памятник разрушен. Ни одно из оставшихся более крупных сооружений, кроме нескольких чортенов, не сохранило крышу, вследствие чего многие стены обрушились. Территория памятника покрыта битым сырцовым кирпичом, строительным камнем, немногочисленными керамическими плитками и черепками. Состояние более мелких построек, которые сложены из необожженного кирпича, разрушившегося со временем, затрудняет определение их назначения.

Сегодня памятник представляют стены и их фрагменты, окружающие его по периметру, а также стены или фундаменты построек, чортены разных размеров, а также каменные и кирпичные площадки, в основном маленькие, квадратной или прямоугольной формы,

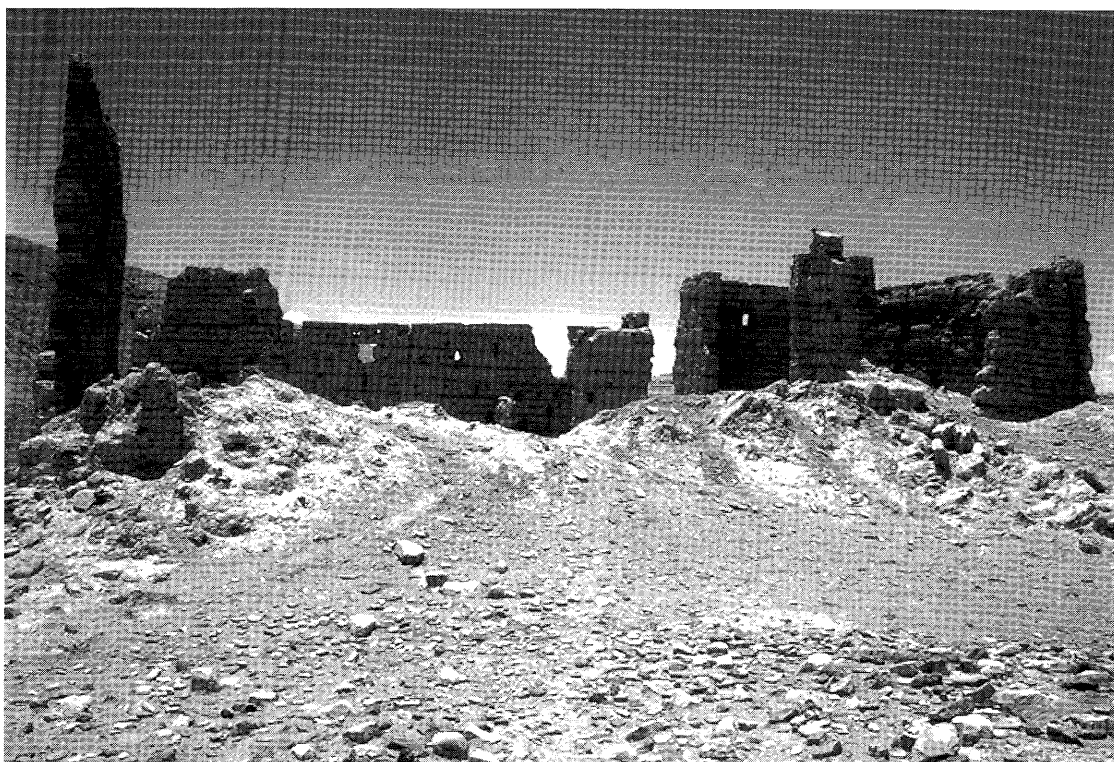

Рис. 5. “Старый храм”. Вид с юга. Северная стена сооружения обрушилась.

служившие, по всей вероятности, основаниями для непостроенных или незаконченных чортонов (рис. 4).

Все сооружения памятника, кроме единственной постройки со стенами, вырубленными в скале, сложены из камней и сырцового кирпича. Речные булыжники или большие плоские камни прямоугольной формы использовались преимущественно в качестве фундамента для стен из сырцового кирпича. Кирпичи представляют собой, как правило, большой прямоугольник длиной 60 см, шириной 40 см, толщиной 36 см (в среднем). Длина больших кирпичей 55 см – 1,7 м, ширина 40 – 50 см, толщина 30 – 40 см. Кирпичи из необожженной глины очень грубые и шероховатые, с многочисленными включениями щебня. Кирпичи, сделанные из теста с меньшим количеством щебня, имеют более гладкую поверхность. Они, как правило, меньше, чем другие, по размеру, часто использовались для отделки зданий, особенно чортонов. Органический наполнитель в больших кирпичях явно отсутствует, поэтому отбор образцов для радиоуглеродного датирования затруднен. Хотя нам и не удалось взвесить эти кирпичи, мы оцениваем их вес в 50 – 60 кг. При строительстве кирпичи укладывали друг за другом и соединяли вместе раствором песка и глины, толщиной 1 – 2 см. Меньшие по размеру необожженные прямоугольные кирпичи, часто с достаточно высоким содержанием органического наполнителя, использовали для создания

меньших по размеру конструктивных элементов или особых архитектурных деталей.

Во время первоначального осмотра памятника было установлено, что дата застройки восточной части плато относительно более поздняя. По стилистическим особенностям чортоны в юго-восточном углу памятника можно отнести к XVI, XVII вв. Но, исходя из плана, ни в одном законченном сооружении нельзя увидеть храмовые черты. В данной части памятника привлекает внимание большой, но незаконченный фундамент, который мог быть основанием храма неизвестного времени. В западной части плато находится несколько интересных архитектурных объектов, в частности, очень большое сооружение, названное нами “Старый храм”, и большой чортон на севере. Хотя ни остатки на поверхности, ни архитектурные детали не указывают на время постройки, но их размер и расположение позволяют с большой вероятностью отнести их к ранним этапам “Восстановления”.

“Старый храм”

Это большое прямоугольное сооружение со стенами из грубых сырцовых кирпичей, возвышающимся более чем на 6 м над уровнем современной поверхности (рис. 5). Максимальная длина сооружения с востока на юг 32,8 м, максимальная ширина в центре 21,8 м, в восточной части – 25 м. Стены сложены из одного

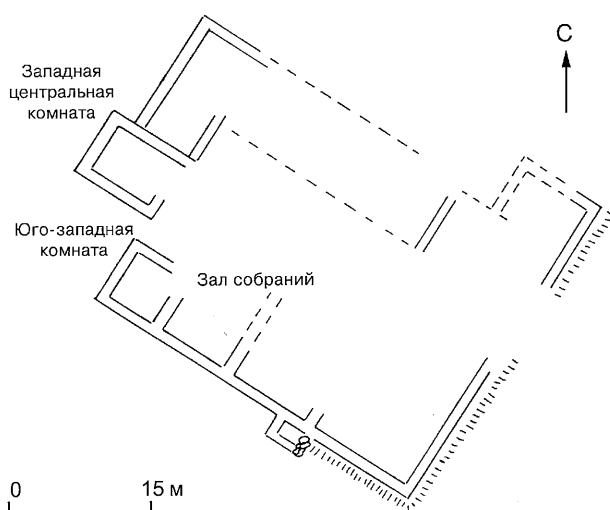

Рис. 6. План "Старого храма" с архитектурными деталями.

ряда кирпичей, положенных на каменный фундамент. Кирпичи стен примыкают друг к другу, но не соединяются. Такая кладка типична для всех конструкций памятника и не является свидетельством более поздней пристройки. Фасад сооружения укреплен характерными для тибетской архитектуры каменными и глиняными конструкциями с основаниями со скосами наружу. Другая архитектурная особенность тибетских построек – расположение балок крыши заметно ниже верхнего уровня стен, благодаря чему создается заглубленная крыша. Хотя деревянные части конструкции давно исчезли, отверстия, в которых они держались, сохранились в некоторых частях сооружения.

Несмотря на плохое состояние памятника (большая часть северных стен давно разрушилась), можно предположить, что в восточной стене некогда был вход. Длинная ось сооружения проходит примерно по линии восток – запад, что типично для многих тибетских храмов (рис. 6). Имеется еще один вход в районе юго-западного угла сооружения. В ходе долгого поиска нам так и не удалось обнаружить фрагменты, которые могли бы заполнять этот вход. Поэтому можно предполагать, что он был сделан преднамеренно.

Если представить сооружение в горизонтальной проекции, то внутри можно различить минимум пять небольших помещений. Они располагались в западном конце и вдоль южной стены. Два других помещения могли находиться вдоль восточной стены и в юго-восточном углу, но фрагменты обрушившихся стен не позволяют судить об этом с уверенностью. Продолжив линию фрагментарно сохранившихся стен до взаимного пересечения, мы можем предположить, что примерно в центре сооружения было помещение подквадратной (16,1 м (по линии восток – запад) × 15,6 м (по линии север – юг)) формы.

Большая часть поверхности внутренних стен разрушена, но в некоторых местах сохранилась грубая штукатурка красновато-коричневого цвета. На этих фрагментах нет ни росписи, ни узоров. Более того, на этих стенах отсутствуют какие-либо архитектурные украшения, которые помогли бы определить время создания сооружения.

Раскопки проводились в трех комнатах – юго-западной угловой, западной центральной и расположенной к востоку от нее, почти квадратной. Помещения заполнены смесью из обломков стен и крыши, бытового мусора, скорее всего, недавнего происхождения и артефактов, ассоциирующихся с тибетской буддийской религиозной практикой, например, целые и разбитые tshas-tsha, страницы тибетских манускриптов, фрагменты бронзовых светильников и декоративной плитки, а также современного мусора. Эти материалы были сильно перемешаны, поэтому определить по ним время создания сооружения трудно.

В ходе раскопок в западной центральной комнате (рис. 7) найдены почти полностью уцелевший трон или платформа в виде лотоса (рис. 8) и остатки настенной декоративной росписи (на южной и западной стенах комнаты и ниже уровня земляной поверхности) (рис. 9). Платформа из очень твердого необожженного кирпича с высоким содержанием органики, выкрашена: на слое белой краски имеются небольшие пятна красной и голубой краски. Два кирпича были нами расколоты, и наполнитель взят для радиоуглеродного анализа. Артефактов, непосредственно связанных с платформой, найти не удалось. Хотя сама платформа типично тибетская (см., напр., изображения подобных платформ в Табо [Klimburg-Salter, 1997, рис. 186, 191]), без стилистических деталей, указывающих на определенную художественную традицию.

Вдоль основания стены – декоративная настенная роспись: белые цветы с вьющейся лозой или ветками на черном фоне. Большие красные полосы разделены более узкими белыми полосами. Вверху слева обнаружено пятно голубого цвета. Один из фрагментов цветочного узора покрыт желтым пигментом. Это, возможно, позднейшая модификация или следствие разрушения поверхности стены. Образцы черной краски были взяты для радиоуглеродного анализа.

О функции помещений можно судить по характеру ниш и отверстий в стенах (см. рис. 7). Верхний ряд ниш тянется вдоль всех четырех стен и имеет отношение к балкам крыши, а расположенные ниже разные по размерам ниши почти наверняка связаны с деревянными стойками для медальонов и статуи, характерных для тибетских буддийских храмов. Эти медальоны и статуи, которые обычно делали из глины, дерева, но иногда из бронзы, представляли фигуры Будды, Бодхисаттв и других божеств. В заполнении помещений, к сожалению, не было найдено ни одного фрагмента таких

Рис. 7. Западная часть “Старого храма”. Слева юго-западная стена угловой комнаты, справа остатки стен западной центральной комнаты. В стенах западной центральной комнаты видны опоры крыши.

Рис. 8. Платформа в виде лотоса, обнаруженная у западной стены западной центральной комнаты.

Рис. 9. Фрагмент декоративной настенной росписи на основании южной внутренней стены западной центральной комнаты “Старого храма”.

Результаты радиоуглеродного датирования образцов* из Пиана

Образец	Характеристика образца	Датируемый материал	Дата по ^{14}C , л.н.	Калиброванная дата
Бета – 112716	Декоративная настенная роспись, западная центральная комната	Кирпич (органика)	860 ± 40	cal AD 1192 – 1208 (cal AD 884 – 1046, 2 σ)
AA – 34860	Сырцовый кирпич из платформы в виде лотоса, западная центральная комната	Кирпич (органика)	860 ± 40	cal AD 1192 – 1208 (cal AD 1151 – 1265, 2 σ)
AA – 36806	Настенная штукатурка, западная центральная комната	Штукатурка (органика)	70 ± 539	cal AD 1288 (cal AD 1260 – 1304, 2 σ)
AA – 36805	Сырцовый кирпич из внутренней кладки главного чортена	Кирпич (органика)	561 ± 43	cal AD 1403 (cal AD 1301 – 1437, 2 σ)
AA – 36803	Настенная штукатурка, чортен 5	Штукатурка (органика)	496 ± 39	cal AD 1427 (cal AD 1394 – 1466, 2 σ)
AA – 36804	Необожженный кирпич из внутренней кладки, чортен 2	Кирпич (органика)	457 ± 39	cal AD 1439 (cal AD 1409 – 1484, 2 σ)

* Все образцы были обработаны по методу AMS и калиброваны с использованием подключенной версии Calib 4.2 (<http://depts.washington.edu/qil/calib/>).

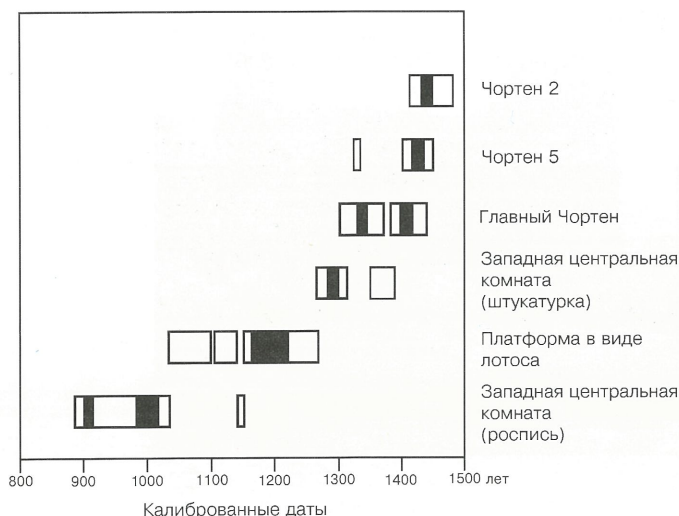

Рис. 10. Диаграмма радиоуглеродной оценки образцов из Пиана. Сплошной черный блок указывает одну сигму.

Рис. 11. Главный чортен в Пиане. Вид на северо-запад.

скульптур. Можно предположить, что они разрушились или были украдены в далеком прошлом.

Еще одна важная архитектурная деталь, встреченная при раскопках, — ряд вделанных в пол квадратного помещения плоских прямоугольных камней, ориентированный строго к востоку от западной центральной комнаты. Найдено два таких камня, вероятнее всего, это опоры для колонн. По расположению они похожи на детали на полу зала собраний (*du.khang*) в Табо [ibid, план 2].

Юго-западная угловая комната не имела архитектурных украшений или настенных росписей, в ней зафиксировано лишь несколько небольших стеновых ниш. Тем не менее можно предположить, что эта комната была двухуровневой, поскольку в ее стенах отмечено два ряда ниш. Назначение комнаты, однако, неизвестно.

Для анализа были взяты три образца органического материала из живописных и архитектурных фрагментов в западной центральной комнате (см. таблицу; рис. 10). Дата, полученная по одному из них (997 г., с калибровкой), связывает роспись комнаты с самыми ранними стадиями “Восстановления” в этой части Западного Тибета. Можно предположить, что роспись сделана в ходе кампании 996 г., поэтому все сооружение датируется этим периодом. Две другие даты более поздние и, скорее всего, соответствуют времени реконструкции данного помещения.

Главный чортен

Главный чортен обнаружен приблизительно в 25 м к северу от “Старого храма”. Это массивное сооружение, часть которого находится над большим камнем и платформой из необожженного кирпича, окружено пятью меньшими по размеру чортенами (рис. 11). Главный чортен представляет собой квадрат размерами 13 × 13 м в основании. Его пять пьедесталов окружены остатками круглой пентолы. Сооружение почти не разрушено, но в его стенах грабителями проделано множество ходов и отверстий. Маленькие ниши имеют большое количество *tshas-tsha*. На поверхности стен сохранились куски красноватой штукатурки, большая часть которой подверглась сильной эрозии. Облицовочные кирпичи в некоторых местах обрушились и обнажили структурные элементы и внутреннюю кирпичную кладку. Один из кирпичей внутренней кладки был расколот, и его фрагмент взяли в качестве образца для радиоуглеродного датирования.

По сравнению с главным чортеном окружающие его меньшие чортены очень плохой сохранности: их стены разрушились или оплыли. Для анализа нами были взяты образцы органического наполнителя из кусков штукатурки чортена 5 и из ряда сырцовых кирпичей внутренней части чортена 2. Согласно результатам датирования (см. таблицу), главный и окружающие его чортены были построены в начале XV в., гораздо позже периода, соответствовавшего ранним стадиям “Восстановления”. Таким образом, их нельзя назвать синхронными датированным частям “Старого храма”. Хочется связать сооружение этого комплекса чортенов с коронацией и бракосочетанием

светского правителя Гугэ Nam.mkha'1 dbang.po phun.tshogs.lde в 1424 г. в Пияне [Vitali, 1996, p. 505]. Чортены, которые использовались как хранилища святых реликвий (часто мощей лам), иногда строили к тому или иному событию, чтобы почтить память известных лам или других религиозных деятелей.

Дискуссия

Располагая археологическими и архитектурными данными, вернемся к обсуждению вопросов исторического характера, поставленных выше.

Кажется очевидным, что западная центральная комната “Старого храма” могла быть построена на ранних стадиях “Восстановления”. Сама комната имеет все особенности небольшого и простого храма (lag.khang) – декоративную роспись, платформу в виде лотоса и, возможно, опоры для медальонов и статуй. Если это действительно так, то автор “mNga'ris rgyal.rab” совершенно правильно включил Пиян в список сооружений, возведенных в ходе строительной кампании 996 г. Неясно, однако, сколько остатков архитектурных деталей “Старого храма” принадлежит этому периоду и существует ли косвенное свидетельство, указывающее на то, что du.khang и другие небольшие помещения могли быть пристроены к lag.khang позже.

Исходя из письменных свидетельств “mNga'ris rgyal.rab”, lag.khang был выстроен в Пияне в 996 г. Согласно Витали [1996, p. 272], chos-sde (монашеская община) была основана в Пияне 30 годами позже. Если это верно, то большую часть того, что называется “Старым храмом”, нельзя датировать 996 г. Судя по строительным планам таких воздвигнутых в 996 г. храмов, как Табо [Klimburg-Salter, 1997, план 2], Тхолинг [Vitali, 1999, Pt. 5], а также других храмов в Центральной Азии конца X – начала XI в. [Chayet, 1994, p. 123 – 127], храмовые сооружения включали зал собраний (du.khang), галерею-проход (skor.lam) и святилище (dri.gtsang.khang). Комплекс в Пияне не имеет явной галереи-прохода, но у него есть вход в западной стене, и это требует объяснения. В ходе предварительного осмотра комплекса в 1997 г. было высказано предположение, что этот вход представляет собой один из концов прохода. Замечен также вход (более узкий) в стене к северу от центрального западного помещения (см. рис. 7). Таким образом, установлены две из трех составляющих прохода. Однако в 1999 г. после тщательного изучения архитектурных особенностей, детального картирования и создания реконструкции в выводы были внесены коррективы: северный т.н. вход – след отделения опоры от стены, реально никакого входа в этом месте не существовало. Не обнаружены следы стен или их фундаменты на линии, параллельной внешней западной стене западного центрального помещения. Следовательно, в Пияне не существовало галереи-прохода.

Наличие входа в южной части западной центральной комнаты, однако, остается необъясненным. Эта особенность, не типичная для буддийских храмов Тибета, заставляет думать, что архитектурный комплекс “Старый храм” не был единым сооружением, поскольку в его плане есть отступления от архитектурных канонов. Это, в свою очередь, предполагает, но не доказывает, что основная часть сооружения была возведена после 996 г. Попытки найти в грубой кирпичной кладке стен пригодный для радиоуглеродного исследования материал, к нашему удивлению, успеха не имели.

Требуется некоторых пояснений датировка платформы в виде лотоса. В том виде, в каком ее обнаружили, она не относится к 996 г. Взятый для анализа кирпич был из внешней кладки; возможно, он связан с позднейшей перестройкой существующей платформы. Тем не менее полученную дату можно считать доказательством более позднего, ближе к концу XII в., сооружения платформы с целью превратить чрезвычайно спартанский и простой lag.khang в святилище. Эти изменения объясняются все возраставшим в Западном Тибете статусом Пияна как в мирских, так и в религиозных делах. К сожалению, без письменных свидетельств в пользу такого предположения или без более полной археологической информации оценить важность данной гипотезы сложно.

Выводы

Итак, мы пришли к следующим выводам: западная центральная комната построена в 996 г. и, возможно, была первым lag.khang, сооруженным в Пияне. Через некоторое время здесь были достроены остальные части “Старого храма”, в комплекс которого вошел существующий lag.khang. Строительство могло быть закончено до 1023 г., но сегодня это невозможно доказать. Однако мы уверены, что к моменту появления lag.khang (996 г.) chos-sde еще не была основана.

Имеющиеся данные позволяют выдвинуть несколько версий развития памятника. Начнем с возведения в 996 г. lag.khang, который, кажется, был (в то время) единственным сооружением. Между 996 и 1023 г., если верить письменным источникам, появилась остальная часть “Старого храма”. Возможно, тогда же для защиты священной земли вдоль западной границы воздвигли стену – типичный элемент храмовых и монастырских комплексов. Следующий важный этап строительства связан с основанием в начале XV в. главного чортена, его платформы и по меньшей мере двух менее крупных чорتنенов. Чортены в юго-восточной части памятника, как и фундамент храма, который так и не был создан в восточной части плато, скорее всего, появились в XVI – XVII вв., завершив, таким образом, основную архитектурную композицию памятника.

Целью будущих исследований памятника должно стать уточнение датировок как можно большего количества сооружений, чтобы лучше понять последовательность их возведения. Необходимо также провести масштабное исследование жилой зоны монастырского комплекса. Основываясь на результатах датирования, можно предположить, что монахи Пияна, в отличие от представителей многих монастырских общин Западного Тибета, не проживали в пределах священной территории – на плато не обнаружены какие-либо домашние или кухонные остатки. Такие остатки могут быть найдены, вероятно, в комплексе пещер, расположенных к северу от плато. До сих пор не ясно, однако, кто проживал в этих пещерах – монахи или миряне.

Благодарности

Мы приносим особую благодарность за финансовую и моральную поддержку Томасу Притцкеру, а также декану Калифорнийского университета (Санта-Барбара) Эду Доннерштейну. Мы также признательны Хо Вэй и Ли Юнсянь (Сычуаньский объединенный университет) за их помощь, поддержку и консультации по вопросам истории и археологии Тибета. Все ошибки просим отнести за наш счет.

Список литературы

Хо Вэй, Ли Юнсянь. Краткий отчет об археологическом обследовании пещер в Дунга и Пиян, на плато Али (Тибет) // Вэнью. – 1997. – № 9. – С. 6 – 22.

Chayet A. Art et Archéologie du Tibet. – P.: Picard, 1994.

Klimburg-Salter D. Tabo: A Lamp for the Kingdom. – L.: Thames and Hudson, 1997.

Petech L. Western Tibet: Historical Introduction // Tabo: A Lamp for the Kingdom. – L.: Thames and Hudson, 1997. – P. 229 – 256.

Shelgrove D., Skorupski T. The Cultural Heritage of Ladakh. – Warminster, 1980. – Vol. 2: Zangskar and the Cave Temples of Ladakh.

Tucci G. Rin-chen-bzan-po and the Renaissance of Buddhism in Tibet Around the Millenium // Indo-Tibetica / Ed. Lokesh Chandra. – New Delhi: Aditya Prakashan, 1988. – Vol. 2 (English version).

Vitali R. The Kingdoms of Guge Puhrang (Tho-lin dpal dpe med lhun gyis grub pa'i gtsug lag khan lo 1000 'khor ba'i rjes dran mdzad sgo'i go sgrig tshogs chun gis dpar skrun zus). – Dharamasala, 1996.

Vitali R. Records of Tholing; A Literary and Visual Reconstruction of the "Mother" Monastery in-Guge. – Dharamshala: Amnye Machen Institute, 1999.

Материал поступил в редколлегию 11.07.2000 г.